

М. А. КОНАРОВСКИЙ

АФГАНСКИЕ ВЫЗОВЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕКОНФИГУРАЦИЮ ИНОСТРАННОГО ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ

*Михаил Алексеевич Конаровский, к.и.н., ведущий научный сотрудник
ИМИ МГИМО МИД России,
Чрезвычайный и Полномочный посол.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: takonarovsky@gmail.com*

Аннотация: *Размах терроризма Исламского государства на Ближнем Востоке подпитывает нестабильность в южном подбрюшье России. Террористическая активность в ИРА начинает все больше диверсифицироваться и за счет экспансии в северные районы страны идеологии и боевиков ИГИЛ. Реконфигурация пребывания войск США и НАТО после вывода их основного контингента не способствовала стабилизации в ИРА, которая продолжает сталкиваться со всем комплексом нерешенных проблем. Это обстоятельство вынудило Вашингтон продлить до 2017 года военное присутствие в Афганистане на фоне новых шагов по закреплению своих позиций в Центральной Азии.*

Ключевые слова: *терроризм, ИГИЛ, Афганистан, талибы, Центральная Азия, Россия, Китай, США.*

При всей многочисленности, сложности и взрывоопасности проблем современного мира на первый план уже совершенно определенно вышла проблематика терроризма. В этом контексте от международного сообщества требуется, срочно отбросив имеющиеся разногласия, сколь бы велики они ни были, создать единый фронт для бескомпромиссной борьбы с этим разрушающим мировой порядок и всю человеческую цивилизацию явлением.

Хватит ли на это политической воли и мужества, покажет время, хотя надежды на это, очевидно, невелики. Более того, действия Турции, сбившей над Сирией российский бомбардировщик, наиболее наглядно высветили многочисленные факты двойных стандартов и «скрытой повестки дня» в политике региональных государств и мировых держав.

Борьба с терроризмом для России — не просто слова. Страна уже неоднократно подвергалась его жестоким атакам. Последнее свидетельство этому — крушение в результате взрыва авиалайнера над Синайским полуостровом. Предпринятые Антитеррористическим комитетом страны дополнительные меры по обеспечению безопасности населения весьма акту-

альны в связи с тем, что лидеры ИГИЛ неоднократно открыто заявляло о претензиях на перенесение джихада на территорию России и включение ее территории в свой планируемый всемирный халифат. Периодические сообщения о раскрытии ячеек экстремистов в различных российских регионах, о вербовках граждан страны в ряды Исламского государства, о ликвидации боевиков на Северном Кавказе и т. д. свидетельствуют о том, что террористическая угроза, как и угроза наркотическая, и дальше будет стоять в приоритетном списке задач Кремля по обеспечению национальной безопасности государства.

В этом контексте весьма актуальным является вопрос о том, откуда воинствующий исламистский интернационал может, уже в ближайшей перспективе, нанести России ответный удар. Помимо весьма серьезного внутривосточного фактора, к которому в последнее время добавляется и кавказский регион, таким направлением может стать южное подбрюшье страны, где угрозы, прежде всего, идут через Центральную Азию из Афганистана. Многолетний кризис в этой стране, имея собственную внутреннюю динамику, одновременно тесно связан со стремительным развитием событий на Ближнем Востоке. Как отголосок обостряющегося противоборства с ИГИЛ в Сирии и Ираке в октябре 2015 года он отозвался неожиданным для центральных властей захватом талибами Кундуза, расположенного менее, чем в сотне километров от границы с Таджикистаном. Несмотря на то, что вскоре талибы оставили город, этой акцией они продемонстрировали твердое намерение продолжать линию на активное вооруженное противостояние с правительством. Кабульские власти были на грани паники, а президент США Б. Обама, признав «недостаточную боеспособность» афганской армии, был вынужден объявить о решении сохранить в ИРА нынешнюю численность американских войск и на будущий год¹. К 2017 году они могут быть сокращены почти вдвое, однако окончательное решение будет принимать уже следующий президент США. В этом же контексте уместно напомнить о том, что окончательный вывод американских войск из Афганистана был одним из главных пропагандистских лозунгов Б. Обамы еще в его первой предвыборной кампании. Перед тем, как в 2011 году объявить-таки о выводе войск, он увеличил их еще на 30 тыс. военнослужащих, доведя контингент до 150 тыс. (то есть фактически сравнявшись с контингентом войск СССР на пике его военного присутствия в Афганистане в 1980-х годах). Временно сохранить в ИРА свои контингенты Вашингтон призвал и другие страны НАТО, что поддержал и ее Генеральный секретарь Й. Столтенберг. Первым откликнулся Берлин, который, в том числе, в силу своих исторических связей с Афганистаном всегда отличался особой активностью в весь период пребывания иностранных войск в Афганистане после свержения в 2001 году режима талибов. Талибы же ответили готовностью продолжать боевые действия в Афганистане до тех пор, пока США и Запад не выведут все свои войска.

Год, прошедший после окончательного вывода из ИРА основной части иностранного воинского контингента, не привел к реализации слабой надежды на способность кабульских властей справиться со сложнейшими задачами по стабилизации обстановки и обеспечению мирного строительства в Афганистане. Перешагнуть через них страна, во всяком случае пока, оказалась неспособной. Все это, как бы ни хотелось думать иначе, на долгие годы предопределяет нестабильное будущее ИРА. При этом особых иллюзий на этот счет не питал никто, включая и Вашингтон, а вывод войск стал для него, по существу, вынужденной необходимостью, вызванной внутривосточной конъюнктурой. Этим можно объяснить и некоторую легковесность и непоследовательность в линии Б. Обамы на реализацию задачи вывода из ИРА американского и натовского контингентов. Западные рецепты, как ранее и советские, отказывались приживаться на афганской земле. За более чем десятилетний срок пребывания в ИРА войск США и НАТО, а также массированного финансово-экономического вливания страна все еще ассоциируется с термином «несостоявшееся государство». ИРА остается в плену трайбалистской этнорелигиозной раздробленности и средневековых предрассудков.

Проявлением провала миссии Вашингтона в ИРА была неспособность нанести решающий удар как по Аль-Каиде (место которой теперь все активнее занимает ИГИЛ), так и по вооруженным талибам. Принципиальный же вывод, который напрашивается по следам недавних событий на севере Афганистана — подтверждение слабости его центральной вла-

¹ [Электронный ресурс]. URL: www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/15/statement-president-afghanistan.

сти. Все это происходит на фоне перманентного экономического кризиса, когда Кабул продолжает ориентироваться, прежде всего, на массированную внешнюю помощь, а основой экономики остается выращивание и нелегальное распространение наркотиков. Эксперты признают, что вооруженные силы ИРА, хотя и лучше экипированы, тем не менее не способны нанести талибам фатального ущерба [4]. В связи с этим весьма чувствительным остается вопрос о внутренней мотивации солдат и офицеров национальной армии, в рядах которых царит низкий моральный настрой и традиционные настроения дезертирства. Все это вынуждены признавать и США, чем, по существу, и было вызвано последнее решение Б. Обамы, принятое, думается, без особого энтузиазма.

Как известно, еще задолго до вывода из ИРА иностранных войск эксперты просматривали несколько сценариев дальнейшего развития обстановки в стране. Наиболее пессимистичный связывался с возможным крахом существующих структур и приходом к власти талибов, а оптимистичный — с сохранением нынешнего режима, возможно, в несколько модифицированном виде и с определенным участием его нынешних оппонентов. Думается, что в долгосрочном плане именно такой вариант был бы наиболее приемлемым и реалистичным как для самой страны, так и для ее непосредственных соседей, а также крупных внешних игроков. Разрешение комплекса всех этих проблем возможно только на основе прочного консенсуса среди многочисленных элит страны, включая региональных авторитетов и разномасштабную вооруженную оппозицию. Вопрос заключается лишь в том, как достичь такого консенсуса? Сохранение общей неопределенности в ИРА, фактор традиционной взаимной настороженности и недоверия местных элит, перманентная война всех против всех только усугубляет ситуацию.

Год вывода из Афганистана войск США и НАТО ознаменовался также проведением в стране новых президентских выборов, которые завершили более чем десятилетнее правление президента Х. Карзая. Из когда-то малоизвестного в стране и за рубежом деятеля он со временем превратился в политического тяжеловеса, прошедшего эволюцию от полной поддержки политики США в Афганистане до одного из ее наиболее активных критиков. Последним жестом Х. Карзая перед уходом с поста был демонстративный отказ подписать с Вашингтоном *Соглашение о сотрудничестве в области безопасности и новом статусе пребывания в ИРА американских войск*, окончательное решение вопроса он оставил таким образом за своим преемником. Тем самым Х. Карзай окончательно развязал себе руки для дальнейшего политического маневрирования, вплоть до возможных претензий на возвращение во власть. Процесс же выборов нового президента в 2014 году в очередной раз продемонстрировал глубину и запутанность всех афганских проблем. В результате политической сделки, совершенной под давлением США, новым главой государства стал пуштун А. Гани, а «главным исполнительным лицом» правительства национального единства — его многолетний политический оппонент, бывший министр иностранных дел, наполовину таджик А. Абдулла. Однако слабость и конституционная сомнительность новой коалиции была предопределена с самого начала, поскольку последняя должность не предусмотрена конституцией страны. Более того, длительный и болезненный процесс назначения руководителей основных ведомств, особенно силового блока, стал очередным проявлением всех афганских неопределенностей.

Талибы же, вдохновленные начавшимся выводом из ИРА иностранных войск, стремились всемерно закрепить свои позиции, и в настоящее время, по оценкам ООН, они уже присутствуют почти в двух третях афганских провинций. Тем не менее энергичное внешнеполитическое маневрирование новых лидеров Кабула завершилось проведением под эгидой Пекина и Исламабада (а также негласно Вашингтона) двух раундов переговоров с талибами, которые вновь зашли в тупик. Основной проблемой вооруженной афганской оппозиции, впрочем, как и центрального правительства, всегда являлось отсутствие единства. Многие полевые командиры талибов перманентно стремились и стремятся к максимальной «свободе рук» как на военном, так и на политическом поприще. Смерть многолетнего формального лидера талибов — муллы М. Омара летом 2015 года (во всяком случае, именно тогда ее официально признали ближайшие соратники муллы) привела к новой расстановке сил. Кандидатура нового предводителя — муллы А. Мансура устроила не всех, в том числе в первую очередь ближайших родственников бывшего главного талиба. Поэтому нельзя было исключать, что

именно для консолидации своей власти тот сразу же занял особо жесткую позицию в отношении Кабула, продемонстрировав свои возможности и на примере событий в Кундузе. Гибель и самого А. Мансура в начале декабря 2015 года в результате вооруженного конфликта с собственными сторонниками стала красноречивым подтверждением сохраняющегося глубокого кризиса в движении Талибан и отсутствия единого консолидирующего начала среди противников Кабула. С одной стороны, теоретически это должно было бы облегчать правительству борьбу со своими вооруженными оппонентами, а с другой — продолжает затруднять поиск среди талибов той реальной силы, с которой можно было бы вести диалог в отношении будущего страны.

Тем не менее неуклонный рост влияния талибов не только в восточных, но и северных регионах страны является отличительной особенностью развития ситуации в Афганистане всех последних лет. Свою лепту продолжали вносить и воевавшие многие годы на стороне противников кабульских властей боевики военно-политической оппозиции в республиках Центральной Азии. Среди основных — «Исламское движение Узбекистана» и транснациональная «Исламская партия освобождения», которая уже официально ассоциирует себя с т. н. Исламским государством. В последнее время с ними начинали все больше смыкаться и террористы из Синьцзян Уйгурского автономного района Китая. С прошлого года растущей «головной болью» для Кабула становится и террористическая деятельность самого ИГ. Его идеология, методы и средства достижения поставленных задач, фанатизм, агрессивность и непримиримость — все это в немалой степени напоминает само движение Талибан образца 1990-х годов. А некоторые из нынешних руководящих деятелей Исламского государства проходили подготовку в афганских лагерях подготовки террористов Аль-Каиды и, соответственно, имеют длительные контакты и с талибами. При этом, если к началу 2000-х годов Афганистан был одним из основных очагов международного терроризма постсоветской волны, то сегодня уже активисты из ИГ оказывают возрастающее влияние на развитие обстановки в самой этой стране. Территория Афганистана включилась ими в так называемый Хорасанский эмират (от Туркменистана до северо-западного Китая), к которому стали примыкать и талибы из числа тех, кто ретроспективно не нашел себя в трансформирующейся иерархии собственного движения. Ситуация в значительной мере вновь напоминает середину 1990-х годов, когда набиравшие силу талибы активно рекрутировали моджахедов, недовольных своим положением при дележе пирога власти после свержения ими в 1992 году правительства НДПА. Стремясь подмять под себя талибов, лидер ИГ Аль-Багдади весной нынешнего года выступил с нападками на муллу М. Омара, что не могло не вызвать энергичных протестов, а также требований прекратить на территории Афганистана рекрутирование добровольцев в Исламское государство. Однако, несмотря на то, что сегодня обе группировки находятся в состоянии джихада против друг друга, тем не менее их деятельность, как совокупная, так и по отдельности, представляет растущую опасность для стабильности как в этой стране, так и в соседней Центральной Азии.

Вместе с тем тот факт, что большинство афганских талибов вряд ли готовы уступать ИГ свои позиции в стране, предоставляет властям Кабула возможности использовать ситуацию в свою пользу и выработать сценарии по углублению их взаимных идеологических и иных противоречий. При этом такой возможности содействовали очередные кровавые столкновения между талибами и боевиками ИГ в ряде афганских провинций. Практически одновременно состоявшаяся в октябре 2015 года в Кабуле грандиозная (по афганским масштабам) демонстрация протеста в связи с казнью боевиками семерых заложников вновь со всей определенностью поставила перед властями вопрос о принятии срочных жестких мер против террористов Исламского государства. В противном случае «правительство национального единства» может столкнуться с прямой угрозой распада.

Наибольшую обеспокоенность вероятностью террористической угрозы с территории Афганистана, как политико-идеологической, так, возможно, и военной, проявляют в Центральной Азии (хотя угрозы прямого массированного вторжения сюда исламских боевиков с юга, скорее всего, ожидать не следует). Межгосударственные отношения между странами этой части бывшего СССР отягощены застарелыми проблемами водопользования, территориальными претензиями, непростой этнорелигиозной ситуацией и т. д., и именно они представляют главную опасность для их стабильности. Вместе с тем на ситуацию не может

не оказывать негативного влияния и взрывоопасная ситуация в Афганистане. Особые опасения высказываются в Таджикистане, в том числе, в связи с резким осложнением в последнее время внутренней обстановки в этой стране. В Узбекистане приняты меры для плотного прикрытия участка границы с ИРА. Непростая обстановка складывается в Киргизии, где экстремистские группировки сражаются с организованной преступностью и некоторыми силовыми структурами. Повышенную нервозность в отношении намерений афганских талибов и других террористических группировок начали проявлять и в Туркмении, что было вызвано активизацией связанных с талибами афганских туркмен, выступающих под лозунгами об отторжении некоторых южных районов Туркмении.

После распада СССР политико-экономические интересы России в Афганистане существенно сократились. Ситуация в этой стране рассматривается и продолжает рассматриваться главным образом через призму ее воздействия на обстановку в южных регионах бывшего единого большого государства, а также нелегального потока афганских наркотиков. Перманентная нестабильность обстановки в ИРА, создающая питательную среду для самовоспроизведения терроризма и религиозного экстремизма (а последние события вновь подтверждают такую вероятность), неизбежно сказывается не только на «южном подбрюшье» РФ, каким является Центральная Азия, но и на самой стране. Нельзя исключать, что именно это обстоятельство будут максимально эксплуатировать лидеры Исламского государства для реализации своих угроз в адрес России и в качестве реакции на ее последние акции в Сирии.

На очередном саммите СНГ в Казахстане президент В. Путин вновь обозначил чувствительность обстановки в Афганистане для стабильности в регионе, назвав ситуацию в ИРА «близкой к критической» и призвав к готовности «согласованно реагировать на такой сценарий»². О сотрудничестве государств — членов ШОС в пограничных вопросах шла речь на ее саммите в Уфе в июле 2015 года, а для решения возможных практических вопросов по прикрытию (в случае необходимости) южных рубежей СНГ необходимые меры предприняты по линии ОДКБ. В последнее время не исключается возможность возобновления участия российских пограничников в охране таджикско-афганской границы. При этом было бы трудно согласиться с предостережениями ряда наблюдателей о некой «сверхреакции» Москвы на угрозу терроризма с географического юга. Факты и практика показывают, что она есть, с этим надо считаться, и как переоценивать, так и недооценивать ее было бы весьма недальновидно.

На фоне нынешнего обострения отношений между Россией и Западом нетрудно предположить, что некоторые внешние силы, прежде всего в США, могут быть заинтересованы в открытии ею еще одного, достаточно удаленного фронта. Теперь это может быть географический юг, и расчет связан с тем, что в таком случае страна увязнет в новых проблемах, которые неизбежно будут сопутствовать такому шагу. Тем не менее предпринимать любые шаги на афганском направлении следует крайне осмотрительно, всемерно избегая односторонних действий, прежде всего силовых. Что же касается поставок Кабулу боевой техники, то они должны решаться при взаимопонимании сторон и без какой-либо политизированности. В этой связи явно провокационно звучали спекуляции западных СМИ о том, что российская сторона воспользовалась фактом очередного запроса афганских властей, прежде всего, как еще одной возможностью для наращивания конфронтации с США. Однако у России вряд ли есть корысть через афганское направление дополнительно усугублять серьезно осложнившиеся отношения с Вашингтоном. Наоборот, именно сотрудничество здесь в нынешних кризисных условиях могло бы стать продуктивным примером их совместной деятельности по решению вызывающих взаимную озабоченность важных международных вопросов. А афганская проблема уже давно перестала носить как внутреннее, так и региональное измерение.

Пока же сотрудничество между Россией и США, в том числе, на афганском направлении прервано односторонними акциями из-за океана, на которые накладываются также и принятые против России санкции. Хотя координация между ОДКБ, под зонтиком которой, по существу, проходят все превентивные контртеррористические и антинаркотические мероприятия в центральноазиатском регионе, с одной стороны, и американцами и натовцами в Афганистане — с другой, безусловно, была бы практически полезной как сегодня, так и на перспективу. Однако на фоне своего нынешнего стремления наносить максимальный урон

² [Электронный ресурс]. URL: www.cis.minsk.by/news.php?id=5623

внешнеполитическим интересам России Вашингтон может попытаться разыграть против Москвы и афганскую карту. В этой связи достаточно показательным может служить практическая линия США в ИРА в начале нынешнего века. Тогда, на достаточно благоприятном в целом фоне российско-американских отношений и проявленной Москвой солидарности с антитеррористическими действиями антиталибской коалиции США, Вашингтон тем не менее не только активно препятствовал восстановлению и развитию отношений между Москвой и Кабулом (в том числе, военно-технических), но и противодействовал любым попыткам привлечения России к экономическому восстановлению Афганистана на многосторонней основе. А ведь такого рода многосторонние усилия могли бы давать и четкие сигналы о решимости международного сообщества действовать эффективно и сообща также и в отношении талибов и всего международного интернационала террористов. Если такового не произошло в начале 2000-х годов, то ожидать изменения принципиальных установок Вашингтона в отношении России в настоящее время, которое характеризуется беспрецедентной враждебностью США по отношению к Москве, не приходится.

В последние годы растущую обеспокоенность обстановкой в Афганистане проявляет и Китай. Предмет его особой нервозности — приграничные с ним афганские регионы и возможное распространение оттуда деструктивного влияния турбулентной ситуации на северо-западные анклавы КНР с традиционно мусульманским населением. Подтверждением этого является периодически возникающая нестабильность в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, всплески там сепаратистских настроений, в том числе, как результат деятельности экстремистского «Исламского движения Восточного Туркестана». Повышенное внимание Пекина к ИРА вызвано и заинтересованностью в освоении и эксплуатации ее полезных ископаемых. Занимая осторожную позицию в отношении талибов, КНР выступает за их диалог с правительством и пытается его стимулировать. При этом рост ангажированности Китая в Афганистане позитивно рассматривают в США, и обе стороны уже наладили определенное сотрудничество в подготовке афганских национальных кадров. Нельзя исключать, что такого рода маневрированием Вашингтон преследует цель, в том числе, посеять недоверие между Москвой и Пекином не только в отношении Афганистана, но и Центральной Азии, чтобы расчистить поле для проведения там собственной линии на перспективу.

Экономические и политические интересы КНР в регионе, в том числе реализация выдвинутой ею в 2013 году идеи «Экономического пояса Шелкового пути», к которой в какой-либо форме может быть вовлечена и ИРА, неизбежно подтолкнет Пекин к дальнейшей активизации политики на афганском направлении. При этом высокий уровень взаимопонимания между Россией и Китаем в Центральной Азии (где, по мнению экспертов, КНР «прикрывает» экономическую нишу, а РФ берет на себя обеспечение безопасности) как на двустороннем уровне, так и в рамках Шанхайской организации сотрудничества является хорошей основой для дальнейшего наращивания их координации и в решении афганской проблемы. Все более актуальным становится и вопрос о перспективной роли ШОС в конкретном содействии решению афганского вопроса. Тем более что на ее саммите в Уфе летом 2015 года Кабул подал заявку на получение статуса полноправного члена с явной надеждой на то, что в нынешних непростых для него условиях эта Организация «подставит» Кабулу свое плечо. Целесообразность принятия ею дополнительных решений по обеспечению региональной безопасности определяют такие факторы, как новая фаза международных отношений на фоне актуализации вопроса о решительном противодействии международному терроризму и его авангарду — Исламскому государству; вступление ШОС в фазу дальнейшего укрепления и расширения своего влияния за счет процесса вступления в нее Индии и Пакистана и открытия соответствующих перспектив для Тегерана; турбулентная внутривосточная ситуация в ИРА, в том числе, на фоне беспрецедентного давления со стороны воинствующего исламизма.

На фоне последних осложнений в Афганистане и не ослабляющихся противоречий между Россией и США по наиболее «горячим» проблемам, в том числе Сирии и ИГИЛ, весьма примечательным был и предпринятый в начале ноября 2015 года визит госсекретаря США Дж. Керри в Центральную Азию, где он встречался с президентами Казахстана, Узбекистана, Туркмении, Таджикистана и Киргизии, а также с министрами иностранных дел этих стран, в том числе, впервые в формате «С5+1». Волнующие всех афганская тема и вопросы региональной безопасности в контексте нынешней обстановки в ИРА были в числе приоритетных. Основным

итог встреч — демонстрация готовности Вашингтона не только продолжать, но и всемерно расширять многоплановое политическое взаимодействие с «Центрально-азиатской пятеркой» по ключевым региональным вопросам, включая борьбу с терроризмом и экстремизмом. При этом Таджикистану и Туркмении было обещано содействие в укреплении их южных границ и в противодействии возможной эскалации насилия с территории ИРА (с Ашхабадом состоялись договоренности о предоставлении площадки для возможного приема американских боевых самолетов). Подтверждена также готовность к активному сотрудничеству в Центральной Азии в экономической сфере, в том числе в такой чувствительной, как водно-энергетическая. Участие госсекретаря в открытии нового здания американского посольства в Бишкеке как бы символизировало и новые намерения Вашингтона в отношении Киргизии, после вступления которого в Евразийский экономический союз его отношения с Россией вызывают повышенную чувствительность США. В последнее время со стороны Белого дома наблюдается также повышенный интерес к подготовке будущей элиты Казахстана — этого наиболее динамичного регионального государства, обладающего значительным экономическим потенциалом и внешнеполитическими амбициями, от отношений которого с Россией и Китаем в значительной степени зависит стратегическая стабильность во всем центрально-азиатском регионе. Через эту же призму некоторые наблюдатели расценивали и состоявшуюся следом поездку в Астану президента Афганистана А. Гани, в ходе которой он заявлял об особой заинтересованности Кабула в сотрудничестве с Казахстаном [1].

Свой визит Дж. Керри охарактеризовал как «весьма своевременный», и он прозвучал конкретной заявкой Вашингтона на сохранение своего активного присутствия в регионе и после завершения нынешней, все еще «горячей», фазы развития ситуации в Афганистане. В политическом плане это был также и своего рода ответ на активные действия Российской Федерации в Сирии и на центрально-азиатском направлении, а также на перспективы превращения ШОС в главный региональный многосторонний механизм сотрудничества в области безопасности. В экономическом же измерении — это была реакция на предположения о якобы потере США интереса к региону, что вряд ли соответствует действительности, в том числе, и в свете внимания Вашингтона к средневосточному и южно-азиатскому флангу китайского проекта «Экономического пояса Шелкового пути» [2, с.101].

Во всем этом контексте особо показательным стал и новый министерский формат консультаций «C5+1», который, как сообщают СМИ, задумывался Вашингтоном в качестве нового инструмента проникновения в Центральную Азию, в том числе и за счет поисков здесь надежных проамериканских политиков. (Некоторые аналитики не исключают косвенного американского антироссийского следа и в последней дестабилизации обстановки на севере Афганистана, хотя это представляется маловероятным) [3]. По итогам встречи «C5+1» были приняты Совместная декларация о партнерстве и сотрудничестве и Решение о регулярности проведения таких встреч. Нельзя исключать, что при определенных обстоятельствах Вашингтон может инициировать дальнейшее закрепление «шестерки», в том числе, и для того, чтобы попытаться в некотором смысле противопоставить ее структурам другой «шестерки», то есть ШОС, за деятельностью которой Вашингтон продолжает следить с нарастающим вниманием и в свете начавшегося процесса расширения этой Организации за счет Индии и Пакистана.

В эту же матрицу вполне логично встраивалась и поездка в Центральную Азию японского премьера С. Абэ накануне визита туда же Дж. Керри (и тоже впервые) и аналогичный, как и у госсекретаря США, формат встреч. Поездка носила преимущественно экономический характер (подписаны соглашения «весом» в несколько миллиардов долларов, в том числе об участии Японии в известном газовом проекте ТАПИ из Туркмении через Афганистан и Пакистан в Индию. Тем не менее контакты обоих деятелей в Кабуле вполне можно рассматривать и как некий новый совместный политико-экономический проект Вашингтона и Токио в Центральной Азии, основанный на общих позициях политического сдерживания Москвы и экономического — Китая. Такой расклад предоставил бы странам региона новые возможности для лавирования в треугольнике Китай — Россия — Запад в интересах получения максимальных политических и иных дивидендов, в том числе, и при возможных неожиданных разворотах и в лабиринтах афганских событий.

Вместе с тем конкретно предсказать, как они будут развиваться, — задача весьма непро-

стая. Возможны самые невероятные и внешне, казалось бы, противоречащие друг другу и логике варианты, коалиции, временные договоренности и союзы. Но, именно так бывало в Афганистане всегда. Единственное, в чем, к сожалению, сомневаться не приходится, так это в том, что в ближайшем обозримом будущем в этой стране вряд ли наступит умиротворение, а афганский котел страстей остынет еще не скоро. Ключ к решению проблемы стабильности в стране, безусловно, находится у самих афганцев. Именно они должны принять решение, как жить дальше и как строить свою страну с учетом законных интересов и обеспокоенности соседей. Очень многое будет зависеть и от соседей, от других внешних сил, в том числе от «больших дядей», которые своими согласованными действиями могли бы смягчить остроту афганской проблемы, не допустить ее «перегрева». Тем самым был бы внесен значительный вклад как в восстановление в ИРА мира, так и в предотвращение распространения с ее территории разномастного терроризма, будь он от талибов, ИГИЛ или кого-либо иного.

AFGHAN CHALLENGES AND THEIR IMPACT ON RECONFIGURATION OF FOREIGN MILITARY PRESENCE

Mikhail Konarovskiy, Leading Researcher, Center for East Asia and SCO, Institute for International Studies MFA of Russia, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary.

Summary:

Against the background of wide range of the “Islamic state” terrorism in the Middle East, the aggravating civil war in Afghanistan does not reduce the threat of destabilization beyond Russia’s southern borders. The Taliban’s terrorism in IRA is recently becoming even more diversified through the infiltration of the IS ideology and militancy to IRA northern enclave. Reshaping of the US and NATO military presence in that country did not help to stabilize the situation that is facing the whole complex of unresolved problems. This reality urged Washington to prolong the military presence till 2017 amid new efforts to strengthen its positions in Central Asia.

Keywords: *terrorism, “Islamic state” (IS), Afghanistan, the Taliban, Central Asia.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Гани диверсифицирует афганскую политику через Казахстан. [Электронная версия]. URL: www.Afghanistan.ru/doc/91956.html 23.11.2015
2. Сафранчук И. А. Эволюция позиции США в отношении роли Китая в Центральной Азии // Международная жизнь. 2015. Август.
3. Хоррам Ф. К. Дестабилизация севера Афганистана была шагом, предпринятым США в целях ослабления России. [Электронная версия]. URL: <http://afghanistan.ru/doc/91007.html> (25.10.2015).
4. Sarwar A. R. and Madadi M. S. The Plight of Afghanistan’s Soldiers. URL: www.aiss.af. Oct 10, 2015.